РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-8-26 **УДК** 316.334.55/.56

Развитие сельской территории: новый микрорайон между городом и поселком. Часть 1. Теоретический анализ социально-территориальных пространств города и села

Владимир Александрович Давыденко[1], Елена Владимировна Андрианова[2], Татьяна Михайловна Филиппова[3]

[1] доктор социологических наук, профессор,
начальник научно-исследовательского центра,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет (г. Тюмень, РФ)
ORCID: 0000-0001-8389-4254; WoS ResearcherID: R-4047-2017
v.a.davydenko@utmn.ru

[2] кандидат социологических наук, заведующий
кафедрой общей и экономической социологии,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет;
старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень, РФ)
ORCID: 0000-0002-7769-9206; WoS ResearcherID: R-3798-2017
e.v.andrianova@utmn.ru

[3] магистрант программы «Экономическая социология»,
Финансово-экономический институт,
Тюменский государственный университет (г. Тюмень, РФ)
stud0000030810@study.utmn.ru

Аннотация. Первая часть работы посвящена анализу *социально-территориального преобразования* одной из запустелых сельских земель с позиции подхода феноменологической социологии. Цель — *с теоретической точки зрения* углубить научный подход социального конструирования локальности, базирующийся на изучении топологической перспективы представления местных сообществ, расположенных между городом и поселком по таким свойствам пространства, как ориентируемость, компактность и связность, когда они остаются инвариантными при строительных изменениях рабочей площадки территории. Используется *методология* структурно-генетической операционализации социального пространства в терминах П. Бурдьё, переосмысления производства пространства парадигмы А. Лефевра, его верификации в терминах феноменологии А. Аппадураи, производства места как центра смысла, созданного опытом, из интерпретаций гуманистической географии. Сочетание нескольких используемых парадигм обеспечивает теоретически достаточно мощную основу

для понимания того, как взаимосвязаны межлокальные социальные отношения, жизненные миры, выявляемые идентичности жителей территории между городом и поселком. *Теоретический объект исследования* — локальные общности, пребывающие в сельском и пригородном пространствах. *Общая гипотеза исследования*: в настоящее время возникла новая модификация концепции «сельский», характерной в той или иной мере для любой страны мира, при этом общемировые тенденции по субурбанизации (обособлению) отдельных сельских территорий как разнообразных форм периферийного городского развития приобретают особое (приоритетное) значение, бросая вызов парадигме «городской революции» А. Лефевра в том смысле, что пространство современного мира становится тотально урбанизированным. Эта статья подтверждает гипотезу о распространении глобальной субурбанизации теории Роджера Кейла, которая становится всё более массовым и всё более значимым явлением в разных странах и регионах мира. Об этом говорит также всё расширяющаяся география пригородных исследований в постсоциалистических странах, а также критика концепции производного значения пригородов по отношению к городским центрам. Эмпирические данные этой статьи подтверждают возрастающее значение разнообразных форм периферийного городского развития и в более общем контексте приводят к пониманию необходимости пересмотра городской социальной теории в контексте распространения глобальной субурбанизациии. *Научная новизна* работы заключается в авторском переосмыслении самого концепта воспроизводства пространства как на символическом уровне локальной субъективности, так и в конкретных привязках к жизненным мирам жителей новых территорий пространственного освоения, с авторским эмпирическим подтверждением предложенных подходов, выводов и представленных баз данных.

Ключевые слова: производство пространства, город, поселок, новый микрорайон, деревенская среда обитания, инфраструктура.

Цитирование: Давыденко В. А. Развитие сельской территории: новый микрорайон между городом и поселком. Часть 1. Теоретический анализ социально-территориальных пространств города и села / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Т. М. Филиппова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 3 (17). С. 8-26.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-8-26

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к жилью, дому, месту, пространству и их смыслам (значениям) — всеобщий, всеобъемлющий, универсальный и всегда актуален. Научными и учебными дисциплинами, изучающими место и человека в нем, являются социальная география и социология. Несформулированное желание людей узнать больше о месте в значительной степени остается не полностью удовлетворенным предложениями представителей этих наук. Географы подходят к изучению места с двух основных точек зрения: место как местоположение, или единица в иерархии единиц в пространстве, и место как уникальный артефакт (искусственный объект). Социологов интересует бытие человека и различных социальных групп в конкретном пространстве. В настоящее время количество ценных работ, посвященных отображению уникального характера отдельных мест — в основном больших и малых городов и сельских поселков, — всё более растет. При этом в тех статьях и монографиях, из которых мы черпаем систематические знания, они, как правило, очень абстрактны и весьма далеки от опыта; там же, где мы черпаем сложное понимание смыслов места и его производства, оно ограничивается, как правило, конкретными населенными пунктами.

Эпистемологическая проблема заключается в ответе на вопрос: возможно ли в изучении места оставаться рядом с социальным опытом и при этом сохранять идеал систематического абстрактного знания? На наш взгляд, положительный ответ на данный эпистемологический вопрос находится на стыке дисциплин социальной гео-

графии и социологии, и конструктивная его часть покоится в контекстах переосмысления их базовых дефиниций и теорий, и особенно в том, что ключ к такому подходу лежит в понимании природы социального опыта. Жилье — не только «социальный вопрос», но также вопрос пространственного развития. Воспроизводство жилищного фонда путем инвестирования домохозяйств и усилий властей, побуждающих их вкладывать ресурсы в строительство новых домов, есть один из главных итогов, оно означает социальное облагораживание заброшенных мест и отдаленных пригородных районов.

Актуальность данной статьи состоит в попытке авторов найти новые концептуальные сопряжения понятий мест, дома, локальности, пространства, которые, с одной стороны, были бы теоретически вполне адекватны, с другой стороны — аналитически полезны для понимания тенденций современного развития города, пригорода, села. Учитывая, что *гуманистическая география* достигает полноты понимания «человеческого мира» посредством изучения отношений человека с окружающим миром, его географического поведения (geographical behavior) через способы выражения чувств и идей относительно пространства и места, а *социология* изучает общество, раскрывая внутренние механизмы, строение и развитие его компонентов — общностей, институтов, организаций и групп, — то «стыковая проблема» этих двух наук должна лежать в плоскости конструктивности ключевых идей и подходов. Общая категория для них — это опыт как общий термин для обозначения различных способов познания человеком своего мира. Если в гуманитарной географии обращается внимание на производство пространства (production of space) [20] и на место как центр смысла, созданный опытом [64, с. 152], то в социологии делается упор на конструктивности применения многих разных подходов: стандартного *функционалистского взгляда* (*functionalist view*); ключевых компонентов *феноменологической социологии* (*phenomenological sociology*); *структурно-генетического подхода* (*structural-genetic approach*) применительно к социальному пространству в терминах П. Бурдьё [11], задающего топологическую перспективу его изучения, когда структура социального пространства проявляется в социальных дистанциях и в разнообразных контекстах как пространственные оппозиции; парадигму совмещения общества, действия и пространства (*combining society, action and space*) Б. Верлена как метафору акционистского теоретического подхода к социальной реальности [12, с. 31-32]; *символического интеракционизма* (*symbolic interactionism*) [8, 14, 15, 24, 35-37, 49, 50].

В *методологическом плане* в статье предлагаются сравнительно новые авторские операционализации идей, базирующихся на строгих научных принципах производства и воспроизводства локальности (production and reproduction of locality) и идеологии локальной субъективности (local subjectivity), когда через пространство мест объединяется широкий спектр социальных контекстов и связей людей в реализации их повседневной жизни.

Теоретический объект исследования — локальные общности, пребывающие в сельском и пригородном пространствах.

Эмпирический объект исследования — 211 жителей нового микрорайона г. Тюмени (его численность 8 500 чел.), с которыми авторами статьи были проведены личные интервью в конце 2020 — начале 2021 г. по стратифицированной (районированной) выборке.

Теоретическая гипотеза исследования: в настоящее время возникла новая модификация концепции и категории «сельский», характерной в той или иной мере для любой страны мира, при этом общемировые тенденции по субурбанизации (обособлению) отдельных сельских территорий как разнообразных форм периферийного городского развития приобретают особое (приоритетное) значение, бросая вызов парадигме «городской революции» А. Лефевра. Другими теоретиками была предпринята попытка переформулировать как отношения между городом и деревней, так и переопределение «сельского хозяйства» и «села» в результате изменений, с которыми столкнулась сельская местность и ее жители, путем разделения

сельских земель в связи с изменениями власти и новыми социокультурными контекстами, создаваемым промышленным развитием и в настоящее время являющимся доминирующим элементом социальной системы. *Фальсификация авторской гипотезы* по К. Попперу привела к выводу о том, что «село» — это категория, которую каждое общество принимает и реконструирует самостоятельно, и что это такая социальная конструкция, которая со всеми ее тяжелыми последствиями определяет новый научный социологический объект — «социологии села».

Эмпирическая гипотеза: официально заявленный тип местности (административный статус города) не соответствует реально исполненному проекту (деревенский поселок).

Цели, которые авторы преследуют в статье в *теоретическом* плане, — углубить научный подход социального конструирования локальности, базирующийся на изучении топологической перспективы представления местных сообществ, расположенных между городом и поселком по таким свойствам пространства, как ориентируемость, компактность и связность, когда они остаются инвариантными при строительных изменениях рабочей площадки территории; в *эмпирическом* плане — применить полученные результаты для изучения сильных и слабых сторон взаимосвязей социальной практики на примере конкретного социально-территориального преобразования.

Задачи обозначены авторами как разработка операционализаций применительно к современным теориям социального конструирования локальности (social construction of locality), жизненных миров (lifeworld), производства повседневности (production of the everyday), которые позволяют:

— оценить и объяснить практики, помогающие выявить идентичности жителей территории, находящейся между городом и поселком, понимаемые в широком смысле слова — с точки зрения производства властью и бизнесом трех видов жизненных пространств: локального, социального и ментального;
— изучить конкретные топологические перспективы, рассматриваемые как «смыкания пространства» (closing of space) с компонентами материального производства (жилых домов, вещей, имущества, предметов обмена, таких как мебель, одежда), продиктованным насущной необходимостью;
— рассмотреть дефиницию пространства между городом и поселком по его ключевым признакам — ориентируемости, связности и компактности, когда они остаются относительно инвариантными категориями, в частности в процессах строительных изменений рабочих площадок на территории села.

Логика изложения, принятая в работе, обосновывается следующим образом. Проведенный анализ мест в целом (включая фотодокументы) визуализирует социальное пространство, определяя сильные и слабые стороны размещения в месте разрушенного старого села. По данным авторского конкретно-социологического исследования было установлено, что новый жилой район между городом и селом — это типичный деревенский поселок (neighborhoods), который нельзя назвать поселком городского типа не только в силу численности поселения и территориальной площади, но также из-за отсутствия торговых центров, кафе, больниц, мест для отдыха и развлечений, не говоря о музеях, театрах или научных учреждениях. Хотя микрорайон формально получил административный статус города, как социальная инфраструктура, так и средства коммуникации, необходимые для полноценной жизни (full life), не приобрели адекватного территориально-содержательного наполнения. Представленная авторами статьи фактуальная база *подтверждает гипотезу* о несоответствии официально заявленного типа местности (статус города) реально исполненному проекту (поселок).

Научные вклады обозначаются как современные реинтерпретации авторами используемых методологий производства пространства в терминах А. Лефевра, структурно-генетической экспликации концепта социального пространства

П. Бурдьё и верификации в терминах социологической феноменологии А. Аппадураи. В случае аккуратного сочетания этих трех парадигм обеспечивается теоретически мощная основа для понимания того, как взаимосвязаны межлокальные социальные отношения, жизненные миры и идентичности жителей. Было выявлено, что в *предметной области* изучения локальности села или пригорода стали преобладать новые подходы их понимания как такого производства пространства, объединяющего широкий спектр понятий, связанных с повседневной жизнью (everyday living), когда люди идентифицируют себя с этим местом (place) пригородных зон (suburban areas), которые действительно могут предложить лучший уровень жизни (life standard), высокое качество жизни (quality of life), разные способы уменьшить повседневный стресс (daily life's stress). Новое значение стали приобретать такие понятия, как общественное пространство (public space), приватизация (privatization), владение собственностью (property ownership), городское сообщество (urban community), безопасность (security), идентичность (identity), гражданство (citizenship) — особенно в контексте мест как некоторых закрытых сообществ (gated communities). В результате само понятие принадлежности к городу (belonging to a city) начинает терять первоначальный символический смысл, новые значения приобретают термины «чувство принадлежности» (sense of belonging) и «принадлежность к сообществу» (belonging to a community), воспринимаемые как общий образ жизни (shared lifestyles) и интенциональность (intentionality) как способ бытия индивида в его естественной установке. С помощью этих методологий авторы статьи надеялись найти собственные новые подходы к рассмотрению *научной проблемы*, которая ставится и обсуждается в статье как выявление, анализ и изучение противоречий воспроизводства пространства, включая проблематику социально-географического смысла и значения мест (в конкретном случае — благоустройства бывших заброшенных мест села средствами постройки нового жилья и разрастания новых микрорайонов до административного уровня города), с привлечением социологического дискурса социальной повседневности, с точки зрения потребления локальных пространств жителями территории, выступающими в роли хозяйствующих субъектов.

Новизна работы заключается в авторском переосмыслении самого концепта воспроизводства пространства (reproduction of space) как на символическом уровне локальной субъективности, так и в конкретных привязках к жизненным мирам жителей новых территорий освоения, с соответствующим подтверждением предложенных подходов и выводов анализом авторской эмпирической базы данных.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Обзор литературы

Данная статья базируется на четырех концептуальных подходах: *социальной философии производства пространства*, которая до сих пор остается исключительным научным текстом в корпусе идей А. Лефевра [19, 20, 56]; *социального конструктивизма* (фундаментальные исследования Б. Андерсона [3], П. Л. Бергера и Т. Лукмана [7], П. Бурдьё [11, 44-46], И. Гоффмана [15, 14, 49, 50], А. Шютца [35, 36]), сопряженного с *социальным производством пространства* (работы А. Аппадураи [40, 41], У. Бека [6], Г. Зиммеля [58], Д. Ло [21], Э. У. Соджа [59], Йи-Фу Туана [63, 64]), а также *пространственного поворота* (spatial turn) в целом в гуманитарных науках (З. Бауман [4, 5], Б. Верлен [65], М. Оже [26], Е. Г. Трубина [31], А. Ф. Филиппов [32], Д. Харви [33]). Также авторский подход включает и социальную географию [61]. Визуальная культура, или история видения в культуре (visual culture), которой посвятил свой трактат М. Б. Ямпольский, также имеет значение в привлекаемом нами теоретическом анализе литературы, как особый теоретический конструкт ви́дения этой локальности [39].

В социологическом объяснении различных феноменов имеется давно укоренившийся функционалистский способ понимания социального мира и индивидов, который показывает, что в любой общности доминируют, как правило, организованные функции ролей, социальных норм

и позиций, статусов и престижа, которые описывают и объясняют наличие жестких социальных и институциональных устройств. Однако если этот подход работает адекватно на уровне общества (общности) как социальной системы со своей собственной архитектоникой, структурой и механизмами взаимодействия компонентов, каждый из которых выполняет свою собственную функцию, то функционализм подвергают резкой критике многие представители символического интеракционизма (Г. Дж. Блумер [8, 42, 43], А. Р. Хохшилд [34, 52, 53]), социально-конструктивистских подходов [7, 30, 38], феноменологических направлений [18, 35-37]. Хорошо известна острая дискуссия Г. Дж. Блумера с Т. Парсонсом по поводу статьи Дж. Тёрнера «Парсонс как символический интеракционист» [43], где Г. Дж. Блумер квалифицировал концептуализацию типовых переменных Т. Парсонса как такую абстрактную схему, которая «не была выведена индуктивно через усердное изучение конкретных эмпирических случаев интерпретации ситуаций, а вместо этого стала схемой фабрикации понятий для удовлетворения нужд его априорной теории» [43, с. 59]. Этот момент имеет важное методологическое значение, фиксирует общее и различное между функционалистским, феноменологическим и символически-интеракционистским научными подходами: если объектом исследования для обоих подходов является сообщество, то в методах его изучения имеется существенная разница.

Иные примеры социологического объяснения различных феноменов приходят из социологической традиции другого порядка — фрейдистской (Freudian tradition), напоминающей об усилиях, которые прилагают люди в поведении с тем, чтобы контролировать импульсы, дисциплинировать влечения и фантазии, продуктивно управлять своими неврозами. Однако концептуальный крен в пользу психоанализа, на наш взгляд, не совсем подходит для адекватного изучения территориального преобразования запустелой сельской земли через постройку микрорайона. Хотя отметим, что Э. У. Соджа (Сойя), автор знаковой книги «Географии постмодерна» [59], в которой был обозначен интерес к локальности как бытийной включенности в нее человека, внес несомненный научный вклад в парадигму «пространственной психастении» [29, с. 141].

Наш подход — это взгляд на производство повседневного, который усиливает основополагающую тенденцию социальной теории задумываться о повседневной жизни как о нормальном и рутинном продолжении бытия любого общества (данного сообщества). За исключением конфликтных марксистских теорий и сопряженных с ними понятий, таких как война, конфликт, чрезвычайная ситуация и т. п., мы можем думать об обычной жизни как о рутинном социальном порядке (routine social order) и о продолжающейся принадлежности к своей социальной группе (conviviality), как о состояниях, в сравнении с которыми непредвиденные обстоятельства конфликта оцениваются скорее как отклонение, искажение или аномия, чем как повседневная «социальная реальность» (social reality). У. Бек справедливо отмечал, что «при этом проблемы глобального уровня становятся частью повседневного локального опыта и „моральных жизненных миров“» (moral life worlds) [6, с. 25].

Одна из традиций, иллюстрируемая ныне всё более востребованными работами И. Гоффмана по его исходным смысловым позициям, дается в его конструктивной терминологии: определение ситуации (definitions of the situation), управление впечатлениями (impression management), манера поведения (demeanor), фронт и закулисье (front and backstage), исполнитель и персонаж (performer and character), знаковые средства и знаковые носители (iconic means and sign-vehicles), церемониальные измерения (ceremonial dimensions) и др. В его подходе очень серьезно и внимательно изучались условия и усилия, гарантирующие выживание «элементарных социальных условностей» (elementary social conventions). Эти акты, по определению ситуации, устанавливают ту основу, на которой разворачиваются события, встречи и даже столкновения (encounters). Сама идея определения ситуации следует из афористичной «теоремы Томаса»: если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям. Это утверждение предполагает, что в человеческом поведении все его

последствия определятся не столько реальностью, сколько мнением человека о ней (самоисполняющееся пророчество), и люди создают свою социальную реальность именно таким образом, как они ее определяют [14, 15, 49].

Другая научная традиция по изучению проблем повседневной жизни базируется на идеях П. Бурдьё [11, 44-46] и М. де Серто [27, 47], которые тяготели к конструктивным попыткам обнаруживать разные ритуалы и стратегии, главной целью которых являлось сохранение и, по сути дела, увековечивание рутинной социальной жизни. Если структурно-генетический подход П. Бурдьё основан на компромиссе между объективистским конструктивизмом и субстанциональным взглядом на природу социального пространства с обязательным выходом на анализ практик и опыта, то М. де Серто, совмещая разные исследовательские перспективы, развивал очень плодотворный взгляд на повседневность в признанной работе «Изобретение повседневности» [28]. «Пользователи», которых стыдливо называют «потребителями» [28, с. 40], ведут постоянную борьбу, сопротивляясь властвующему порядку, пытаясь освоиться во внешне навязанном пространстве, превратить его в другое — в свое личное пространство как часть своего жизненного мира.

Третья научная традиция «в социологической литературе, которая в ней занимает весьма серьезное место, связана с проблемой производства локальности. Создатель этой концепции антрополог и социолог А. Аппадураи увидел научный статус локальности как один из важных аспектов социальной жизни, такую социальную форму, которая «создается силами местных сообществ или соседств (“neighborhoods”) как противоречивых и зачастую внутренне конфликтных местных систем» [40]. Подобный взгляд на устройство социальных форм сформировался именно тогда, когда ученый пытался понять противоречия глобализации и обнаружил, что вынужден задуматься над ее противоположностью — местным. Он стал постепенно понимать, что всё местное, локальное, и сама местность как таковая являются человеческим творением, требующим усилий воображения, обдумывания и настойчивости. Чтобы четче уловить и представить смысл такого понимания, А. Аппадураи придумал фразу «создание местности» (creating area), относящуюся именно к той творческой и конструктивной работе, которой люди на протяжении своей истории обычно занимались затем, чтобы гарантировать себе идентификацию и приближение дня сегодняшнего к дню вчерашнему, причем настолько близко, насколько это было возможно. Подобное понимание привело ученого к логичному выводу, согласно которому локальное в такой же степени есть преднамеренное человеческое построение пространства, как и глобальное, и различия между ними заключаются лишь в масштабе, структуре, изменчивости и участии, а не в самом характере создания местности. Что еще важно, так это оценка того, что если даже самые простые общества, которые выглядели традиционными, нерефлексивными, стабильными и бесспорными, становились продуктами непрерывных ежедневных усилий, то обыкновенная жизнь была реальным результатом неустанных усилий, направленных на то, чтобы построить свое собственное социальное пространство. В итоге такой подход дает, на наш взгляд, достаточно адекватную основу для понимания ключевых параметров качества, частоты, интенциональности, идентичности и собственно локальности социальной жизни, которые должны входить в обоснование рутинной оценки элементов социальности. Именно этот подход А. Аппадураи обозначил терминами «производство локальности» и «производство локальной субъективности» [40, с. 178-201; 41, с. 62-63, 81], где повседневная жизнь даже в своих простейших проявлениях должна рассматриваться как процесс и результат человеческого замысла [40, с. 254].

Отечественные традиции исследования производства локальностей традиционно разворачиваются на уровне теоретической концептуализации и анализа представленных данных эмпирических исследований. Развитие методологического аппарата социологических исследований и наблюдаемый «пространственный поворот» в гуманитарной науке побудили обратиться к работам, касающимся «социального производства

пространства», а также к концепциям территории, региона, мест, рассматривающим их как социальный продукт и культурный конструкт. В процессе теоретического обсуждения производства и воспроизводства внегородских локальностей сформировался значительный объем ценных суждений о поисках и находках компонентов локальной идентичности [2], о массовом возникновении пригородных поселений и российской субурбанизации [9] и даже таких утверждений, что мы живем в «мире пригородов» [10], реальных и виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете идей пространственного поворота [13], символических и социальных пространств пригородов [16, 17], гибридизации сельских и городских локальностей [22], теории конструирования различных реальностей, роста и значения мифологем в городской идентичности, воспроизводства в современном массовом сознании когнитивных схем, типичных для современной мифологии [23], специфики сельской местности в контексте взаимосвязей социальных и экономических изменений, в русле пространственных закономерностей сельского хозяйства и сельской территории [25], внедрения методологии дискурсивного конструирования социальной реальности, разработок ментальных моделей событий и «определения ситуации» [30], выявления разных подходов социального конструирования реальности [38], репрезентации визуальной культуры как истории ви́дения в культуре [39].

Теория

Последние 40 лет сельские исследования в развитых странах были в некотором смысле разочаровывающими. Как и в других областях социальной науки, в этой области всё шире признавался «кризис» как «новый культурный поворот», причем не только субстанционально-существенного характера, но и доверительного (точнее, вызывающего недоверие) в этой научно-практической области, и велась непрерывная борьба за освобождение предмета сельской социологии от ограничительных (не в последнюю очередь институциональных) рамок инерции прошлого, а также за принятие «более целостного» концептуального фокуса и «обновленного научного подхода» [см. 60]. Тем более что дать определение «сельскому» сложно. Потом появился иной «кризис» — «постколониальный поворот» (postcolonial turn), направление исследований, состоящих из анализа социокультурного наследия колониализма, кардинально влияющего на отношения «город — село».

Как научная концепция в последние десятилетия сельская местность часто представлялась в виде «социальной конструкции» [48]. Село и деревня становились тем, что М. Мормонт называл «категорией мысли, которую каждое общество берет и реконструирует» [57, с. 40-41].

Новые репрезентации (представления) о селе превратились в интеллектуальные зоны, где эти знания в научном дискурсе получали даже «очень реальные материальные административные, географические и социально-политические последствия» [51, с. 390]. Несомненно, что не только в развитых странах мира, но и в России наблюдается рост «потребительской деревни» и высокомобилизованного сетевого общества.

Более того, в настоящее время традиционные сельские секторальные интересы стали уступать свои позиции более сложным экологическим и другим проблемным вопросам (таким как качество продуктов питания, продовольственная безопасность и даже благополучие животных).

Однако всё это совсем не уменьшило потребности и приоритеты исследований в сельских районах. «Кризисы» и «новые культурные и постколониальные повороты» скорее оживили широкое понимание того, что Р. Кейл сначала в 2000 г. назвал емким термином «пригородная граница» (suburban frontier) [54], а в 2019 г. позволили ему разработать новый концепт «планеты пригородов» (suburban planet) — что создало благодатную почву не столько для социально-географически легитимирующего определения термина «сельский» (село, деревня), сколько для подлинного понимания того, что происходило «на самом деле», как наиболее разнообразной «социологии деревни». Эти подходы дали Р. Кейлу основание провести точные, разумные и своевременные оценки противоречивых тенденций

в текущих моделях городского и сельского пространственного производства.

Опуская интересные дебаты по поводу нюансов в различиях подходов А. Лефевра как автора концепции «право на город» и концепции Р. Кейла, расходящейся с провокационным заявлением А. Лефевра о том, что современное общество «полностью урбанизировано», против популярного его нарратива «городской эпохи», утверждая концепт «планеты пригородов», он обосновывает другой бросающий вызов тезис о том, что «городская эпоха — это на самом деле эпоха пригородов» [55, с. 6]. Тем самым, Р. Кейл поставил *актуальную проблему*, заключавшуюся в стремлении внести свой вклад в две дискуссии: «конкретное вмешательство в пригородные дебаты» и «обновленный разговор о городской теории в целом» [55, с. 10]. Он проблематизировал само понятие пригородного города как характеристики форм периферийного развития, используя термины, чтобы либо выйти за его пределы («постпригородный»), либо стереть границу между пригородным и городским пространствами («пригородный/городской», «(суб)городской»). Используя субурбанизацию (suburbanization) в качестве эпистемологической линзы (epistemological lens) городского феномена, он пытался согласовать аргумент об универсальности субурбанизации (universality of suburbanization) в мире с признанием ее разнообразных проявлений и ценности «расширенной сравнительной перспективы» (expanded comparative perspective) для построения новой теории городской эпохи как эпохи пригородов [55, с. 15-16]. Как утверждает Р. Кейл, «префикс суб- означает производное отношение, в данном случае с определенным „городским“ значением, его адекватность для понимания пространственной сложности и неоднородности текущих процессов урбанизации, приводящих к парадоксальному результату того, что мир становится всё более пригородным, а глобальная урбанизация находит свое воплощение преимущественно в субурбанизации, связанной с освоением периферийных территорий с переопределением городских центров во многих масштабах и пониманием неизбежности приоритетности субурбанизма как пригородного образа жизни». На протяжении всей его книги англосаксонский пригород остается тем идеальным типом, или эталоном, с которым можно сравнивать другие события, даже элиминируя их собственные траектории и взаимосвязи между ними.

Использование Р. Кейлом понятия субурбанизации в качестве эпистемологической линзы позволило раскрыть теоретический потенциал понятий «*пригородная граница*» и «*планеты пригородов*», идентифицируя разумные и своевременные оценки противоречивых тенденций в текущих моделях городского и сельского пространственного производства. Благодаря тщательному и последовательному анализу субурбанизации, основной дискурс бросает вызов мейнстриму из социальной географии, который часто свысока смотрит на субурбанизацию. «Пригород изучается как часть города, а не как отдельная сущность», — утверждал Р. Кейл, цитируя Б. Келли [55, с. 72].

Подчеркнем, что эпистемологическая линза Р. Кейла позволила авторам данной статьи выбрать собственное правильное направление, смещая фокус исследования с обычных сельско-городских подходов, принимающих заброшенные села и периферийные городские территории как «части города» при рассмотрении сложности, разнообразия и множественности процессов «расширения городов» по всему миру. По версии Р. Кейла, с которой мы целиком согласны, на самом деле происходит «локализация» сельских и пригородных территорий в самодостаточные «особые зоны» по производству мест, жилых домов и поселков, и в качестве сухого теоретического остатка в реальности остаются процессы субурбанизации, которые используются вне их общей ассоциации с традиционной категорией «пригород», производной от города. Таким образом, содержание понятий «пригородная граница» и «планета пригородов» представляет собой исключительный теоретический ресурс для исследователей города и села, результатов субурбанизации как роста пригородов и связанного с ними нового образа жизни (субурбанизмы) жителей микрорайонов как социально и экологиче-

ски проблемной темой, для обозначения гетерогенного расширения городов, их де- и рецентрализации в целом.

Выбор теории производства повседневного применительно к предмету исследования обусловлен не только популярностью инструментализма в современной социологии и тем, что наряду с такими подходами концепций науки, как научный реализм и критический рационализм, используются идеи признания ценности эмпирического опыта и обоснования теорий исходя из их эмпирической адекватности. Так, если П. Бурдьё сфокусировался на парадигме производства социального пространства, основанной на оценке институализации структур и на результатах действий агентов, исходя из их моделей восприятия, мышления и поведения, объективируемых с позиций изначально поставленных целей, то с точки зрения, например, феноменологической социологии, приоритетны содержания и смыслы в тех случаях, когда между единицами опыта (феноменами) возникают плотные связи, которые имеют особое значение для сторон взаимодействия, когда на основе типичного опыта формируются типичные ожидания, что в целом идентифицирует более фундаментальную временну́ю конструкцию феноменов, отражающую важный момент того, что любой опыт, воспроизведенный как прошлое, направлен не только на это прошлое, но и устремлен в будущее.

Хотя места, жилые кварталы и районы действуют как своеобразные автономные центры интерпретации, ценностей и материальной практики, в то же время они как «этнопейзажи» (ethno-landscapes) подразумевают осознание отношений с другими районами. Как локальное производство, так и производство локальной субъективности в некоторой степени неизбежно обусловливает контекст. Также важно, что степень этой определенности существенно связана с отношениями между контекстами, создаваемыми кварталами и жилыми районами, и теми контекстами, с которыми они сталкиваются. В итоге всё опять сводится к вопросу о социальной власти различных масштабов организации и контроля, в которые встроены определенные места и локальные пространства. В этом пункте намечается очевидный теоретический стык *функционализма* (когда имеют значение системы власти, ролей, норм, престижа и статусов), *символического интеракционизма* (в контекстуальной рамке этого подхода подчеркивают, каким образом личность, общество и пространство создаются и воссоздаются заново в процессе взаимодействия) и *феноменологической социологии* (в контекстуальной рамке которого даются анализ, синтез и интерпретация повседневного мира как «открывающегося феномена»).

Применительно к анализу производства локальных пространств в представлении трех парадигм (функционализма, символического интеракционизма и феноменологической социологии) нами добавляется также еще и четвертый — конструктивистский — подход, суть которого состоит в том, что сам процесс познания предстает также как активное построение актором интерпретационных моделей мира. В совокупности предложенные подходы открывают новые перспективы изучения производства локальных пространств, что позволяет продвинуться несколько дальше простых эмпирических констатаций их наличия. В частности, в русле конструктивизма обнаруживается активно-деятельностный подход в контексте долгосрочного временно́го горизонта анализа, предполагающего учет производств новых локальных пространств не только с точки зрения их структурной статичной данности, но также как пространство, преобразуемое людьми. В основе данной позиции лежат идеи Б. Верлена (в социальной географии основателя деятельностно-ориентированного подхода, в котором пространственные феномены рассматриваются как образования, конструируемые субъектом деятельности). Б. Верлен проинтерпретировал шютцевское понятие адекватности, предполагающее, что научные социологические описания, предлагаемые внешним наблюдателем, должны быть понятны обыкновенному человеку. Если «социальное знание» истолковывается в терминах естественной установки А. Шютца, которая интерсубъективна и отражает «естественно-наивное» восприятие

мира, то эта ее адекватность на уровне здравого смысла дополняется научной адекватностью в той мере, когда социальный конструкт причинно адекватен (принцип каузальной атрибуции). В этом случае сам ход действия и его инерция укладываются в типичные (стандартные) условия предпринимающегося действия, когда особое место в стилистике социологической феноменологии отводится идеально-типическим понятиям в интерпретации человеческой деятельности «познающего субъекта» [12, с. 31-32].

Схожая научная позиция выражена в работах Йи-Фу Туана — самого основателя гуманистической географии (humanistic geography), которая должна достигать полноты понимания человеческого мира через посредство изучения отношений человека с окружающим миром, его географического поведения, а также его чувств и идей относительно пространства и места [62, с. 266]. Модель гуманистической географии в действительности предлагает сильный подход к вопросу о человеческом и социальном опыте пространства и места. Сосредоточившись на этом опыте, свою ценность приобретает важность «того, что не видно» на воображаемых пространствах и локальных репрезентациях в позитивистской географии. Йи-Фу Туан привлекал в своих исследованиях те методы и способы, с помощью которых люди чувствуют и думают о пространстве, как они формируют свои привязанности к дому, соседству, общности и нации, а также раскрывал свои новые методы о том, как у человека чувства пространства и места зависят от чувства времени, исходя из предпосылок, что место — это безопасность, пространство — это свобода, когда люди привязаны к одной данности (месту) и давно существуют для другой (пространства).

Гуманистическая география, в противовес позитивистской географии, настаивает на исключительной важности связей между деятельностью, смыслом и чувством пространства [64]. Актуальность субъективного начала и деятельностного аспекта в конструировании пространства представлена также в классической работе А. Ф. Филиппова, где он указывает, что в рамках подхода «вне наблюдателя» не существует никакого воспроизводства локальных мест и их границ, которые могут приобретать конкретное значение лишь для тех, кто действует в их рамках, или для тех, кто наблюдает за акторами как действующими лицами по поводу разных пространств — физического, символического и ментального [32]. На эти виды производства пространств впервые обратил внимание А. Лефевр, который в работе «Производство пространства» попытался «собрать воедино и сгруппировать всё то, что было рассеяно по отдельным частным, специальным наукам: этнологии, этнографии, социально-экономической географии, антропологии, истории, социологии и т. д.» [20, с. 226]. Он четко обозначил «раскол, благодаря которому различные пространства — физическое, ментальное, социальное — внеположны друг другу и существуют по отдельности. На расстоянии? Разнесение? Расхождение? Разъединение? Разрыв? Название здесь не важно. Важна сама дистанция, отделяющая „идеальное“ пространство, принадлежащее к числу ментальных (логико-математических) категорий, от пространства „реального“, пространства социальной практики. Тогда как каждое из них предполагает, обусловливает другое и зависит от него» [20, с. 29]. В этой цитате имеет значение указание автора на то, что пространства «идеального» и «реального» типов имеют одно общее значение — «пространство социальной практики».

Переходя на уровень эмпирического базиса этой статьи, подчеркнем, что исследования процесса производства внегородских локальностей, которым административной властью придается формальный статус города, мы понимаем в русле теории А. Аппадураи как гетерогенный процесс локального производства и производства локальной субъективности, когда власть и бизнес запускают «процессы обновления городской и внегородской сред с учетом предыдущего опыта, учитывая, как жители региона стремятся реализовать свои нужды, потребности, запросы и ожидания через обновление повседневных практик. Таким образом, «создаваемая новая локальность как относительное достижение — это совсем не то же самое, что данная местность как „просто“ практическая ценность в повседневном произ-

водстве предметов и колонизации пространства» [40, с. 186].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе обзора литературы и проведенных исследований авторы статьи утверждают, что для конструктивно изменяющейся сельской территории новой мировоззренческой парадигмой потребителей локальных пространств в настоящее время становятся инфраструктурный дизайн и мода (мода как господство стиля), посредством которых спрос на объекты новой недвижимости между городом и селом становится четко направленным.

Верификация этого практического компонента, которая была проведена в эмпирическом исследовании и осуществлена на теоретическом уровне в данной статье, показывает важность, наряду с изучением образа и стиля жизни, последующего анализа производства рутинной социальной жизни (production of routine social life).

Проведенное исследование позволяет сделать общий теоретический вывод о том, что производство мест и пространств, тех или иных объектов как спроектированных вещей в условиях конкретной локальности требует особого внимания как к своим собственным контекстам, так и к образующим и выводящим из них такие системы смыслов (значений), которые заранее не могли бы быть жестко выведены из каких-либо неотъемлемых свойств этих самих мест, локальностей, жилых домов и других объектов производства пространств. Полезность введения в научный оборот данного теоретического аргумента заключается в том, что концептуально-логически он может иметь дальнейшее понятийно-категориальное развертывание в надлежащих элементах феноменологической, интеракционистской и конструктивистской социологических теорий, которые были операционализированы авторами статьи, следуя принципам производства локальности и производства локальной субъективности.

Следуя этим идеям, авторами статьи, кроме того, были операционализированы подходы к созданию социальной реальности (social reality) как утверждение компонентов определения ситуации (definitions of the situation), которые создаются по принципу социальной организации событий (principle of social organization of events) и в зависимости от степени субъективной вовлеченности (involvement) в развитие сельской территории на уровне нового микрорайона между городом и поселком.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. Аларушкина С. А. Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве / С. А. Аларушина, А. А. Борисов, А. А. Воронина, П. И. Гладун и др. // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Том 11. № 20. С. 133-163. DOI: 10.19181/inter.2019.20.7
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
5. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бек У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том 6. № 1 (21). С. 24-51.
7. Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Л. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.

8. Блумер Г. Дж. Символический интеракционизм. Перспектива и метод / Г. Дж. Блумер; пер. с англ. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.
9. Бреславский А. С. Какой может быть российская субурбанизация? / А. С. Бреславский // Мир России. 2016. Том 25. № 1. С. 79-102.
10. Бреславский А. С. В каком мире мы живем? В мире пригородов! / А. С. Бреславский // Социологическое обозрение. 2018. Том 17. № 2. С. 342-355. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-342-355
11. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
12. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Веблен // Социологическое обозрение. 2001. Том 1. № 2. С. 26-47.
13. Вязинкин А. Ю. Проблема виртуальных реконструкций «мест памяти» в свете пространственного культурного поворота / А. Ю. Вязинкин, И. В. Двухжилова // Урбанистика. 2020. № 3. С. 1-8. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.3.32423
14. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
15. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман; пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
16. Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография / К. В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
17. Григоричев К. В. «Ни к селу, ни к городу»: символическое пространство пригородов Иркутска / К. В. Григоричев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 42-55.
18. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. М.: Владимир Даль, 2004. 403 с.
19. Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость / А. Лефевр; пер. с англ. А. Новоженовой // Социология власти. 2014. № 2. С. 190-202.
20. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр; пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
21. Ло Дж. Объекты и пространства / Дж. Ло; под ред. В. С. Вахштайна // Социология вещей: сб. статей. М.: Территория будущего, 2006. С. 223-243.
22. Макшанчикова А. Ю. Внегородские локальности: гибридизация «сельского» и «городского» в процессе миграции горожан в сельскую местность / А. Ю. Макшанчикова, Е. А. Никишин, Д. С. Попов // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 61-70. DOI: 10.31857/S013216250007751-9
23. Мартишина Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании / Н. И. Мартишина // Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 19-23.
24. Мид Дж. Г. Избранное / Дж. Г. Мид; сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко // Сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.
25. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа / Т. Г. Нефедова. М.: URSS: ЛЕНАНД: Российская академия наук, Ин-т географии, 2017. 452 с.
26. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / М. Оже. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
27. Серто М. По городу пешком / М. Серто; пер. с французского А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24-38.
28. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
29. Соджа Э. У. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов. Города-призраки: распадение городского воображаемого / Э. У. Соджа // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133-151.

30. Троцук И. Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик / И. Троцук // Социологическое обозрение. 2014. Том 13. № 2. С. 206-224.
31. Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации / Е. Г. Трубина // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 34-49.
32. Филиппов А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
33. Харви Д. Пространство как ключевое слово / Д. Харви // Топос. 2011. № 1. С. 10-38.
34. Хокшилд А. Р. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме / А. Р. Хокшилд; пер. с англ. И. Кушнаревой, под науч. ред. А. Космарского. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 368 с.
35. Шютц А. О множественности реальностей / А. Шютц // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 2. С. 3-34.
36. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
37. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
38. Якимова Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор / Е. В. Якимова; Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: ИНИОН РАН, 1999. 115 с.
39. Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории ви́дения / М. Б. Ямпольский. М.: Ad Marginem, 2000. 288 с.
40. Appadurai A. Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 pp.
41. Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition / A. Appadurai. Verso, 2013. 336 pp. DOI: 10.1423/76023
42. Blumer H. G. Der methodologische Standort des Symbolischen Interaktionismus / H. G. Blumer // Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit. Reinbek, 1969. Bd. 1. 144 pp.
43. Blumer H. G. Exchange on Turner, «Parsons as a symbolic interactionist»: Comments by Herbert Blumer / H. G. Blumer // Sociological Inquiry. Greensboro (NC), 1975. Vol. 45. No. 1. Pp. 59-68. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1975.tb01214.x
44. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice / P. Bourdieu. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 249 pp. DOI: 1017/CBO9780511812507
45. Bourdieu P. The social space and the genesis of groups / P. Bourdieu // Theory and Society. November 1985. Vol. 14. No. 6. Pp. 723-744. DOI: 10.1007/BF00174048
46. Bourdieu P. Social space and symbolic power / P. Bourdieu // Sociological Theory. Spring 1989. Vol. 7. No. 1. Pp. 14-25. DOI: 10.2307/202060
47. Certeau M. The Practice of Everyday Life. Translation of: Arts de faire by S. Rendall / M. Certeau. University of California Press, 2002. 256 pp. DOI: 10.1080/10286630902971595
48. Cloke P. Conceptualizing rurality / P. Cloke // The Handbook of Rural Studies / P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney (eds.). UK: Sage Publications Inc., 2006. Pp. 18-29. DOI: 10.4135/9781848608016.n2
49. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. London: Allen Lane, 1969. 228 pp. DOI: 10.2307/2089106
50. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience / E. Goffman. Northeastern University Press, 1986. 586 pp. DOI: 10.2307/2106908
51. Halfacree K. Diverse ruralities in the 21st century: from effacement to (re-) invention / K. Halfacree // International Handbook of Rural Demography / L. J. Kulcsar, K. J. Curtis (eds.). London: Springer, 2012. Pp. 387-400. DOI: 10.1007/978-94-007-1842-5_26
52. Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling / A. R. Hochschild. Third Edition. University of California, 2012. 352 pp.

53. Hochschild A. R. Strangers in Their Own Land. Anger and Mourning on the American Right / A. R. Hochschild. New York: New Press, 2016. 351 pp. DOI: 10.1093/jel/eqx010
54. Keil R. «Natural spaces? Governing spaces of nature in the new economy» / R. Keil // Annual Conference of American Geographers. Pittsburgh, 2000.
55. Keil R. Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in (Urban Futures) / R. Keil. Cambridge: Polity Press, 2019. 256 pp. DOI: 10.1177/0042098019836051
56. Lefebvre H. State, Space, World: Selected Essays / H. Lefebvre; translated by G. Moore, N. Brenner, S. Elden; ed. by N. Brenner, S. Elden. University of Minnesota, 2009. 331 pp.
57. Mormont M. «Who is rural? Or, how to be rural: towards a sociology of the rural» / M. Mormont // Rural Restructuring: Global Processes and Their Local Response / ed. by T. Marsden, P. Lowe, S. Whatmore. London: Fulton, 1990. Pp. 21-44.
58. Simmel G. Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms / G. Simmel; translated A. J. Blasi, A. K. Jacobs, M. Kanjirathinkal; introduction by H. J. Helle, A. J. Blasi, A. K. Jacobs, M. Kanjirathinkal. Brill, 2009. 700 pp.
59. Soja E. W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory / E. W. Soja. London; New York: Verso, 2010. 266 pp.
60. The Handbook of Rural Studies / ed. by P. Cloke, T. Marsden, P. Mooney. UK: Sage Publications Inc., 2006. 528 pp.
61. The SAGE Handbook of Human Geography / ed. by R. Lee, N. Castree, R. Kitchin, V. Lawson, A. Paasi, C. Philo, S. Radcliffe, S. M. Roberts, C. W. J. Withers // SAGE Publications, 2014. Vol. 1, 2. 840 pp. DOI: 10.4135/9781446247617
62. Tuan Y.-F. Humanistic geography / Y.-F. Tuan // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. No. 2. Pp. 266-276. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1976.tb01089.x
63. Tuan Y.-F. Language and the making of place: a narrative-descriptive approach / Y.-F. Tuan // Annals of the Association of American Geographers. 1991. Vol. 81. No. 4. Pp. 684-696. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1991.tb01715.x
64. Tuan Y.-F. Space and Place. The Perspective of Experience / Y.-F. Tuan. University of Minnesota Press, 2001. 236 pp.
65. Werlen B. Sozialgeographie: Eine Einfuhrung / B. Werlen. UTB, Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag, 2008. 400 pp.

RESEARCH ARTICLE

DOI 10.21684/2587-8484-2021-5-3-8-26 **UDC** 316.334.55/.56

Rural development: a new microdistrict between the city and the village. Part 1. Theoretical analysis of social and territorial spaces of cities and villages

Vladimir A. Davydenko[1], Elena V. Andrianova[2], Tatyana M. Filippova[3]

[1] Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-8389-4254, WoS ResearcherID: R-4047-2017
v.a.davydenko@utmn.ru

[2] Cand. Sci. (Soc.), Head of Department of General and Economic Sociology,
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-7769-9206, WoS ResearcherID: R-3798-2017
e.v.andrianova@utmn.ru

[3] Master's degree student of the program "Economic Sociology",
Institute of Finance and Economics, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)
stud0000030810@study.utmn.ru

Abstract. The first part of the work is devoted to the analysis of socio-territorial transforming one of the desolate rural lands from the perspective of an approach to phenomenological sociology. The goal is, from a theoretical point of view, to deepen the social construction scientific approach of locality, based on the study of the topological perspective between the city and the village according to such space properties as orientability, compactness and connectivity, when they remain invariant during construction changes in the working site of the territory. The methodology of structural and genetic operationalization of social space is used in terms of P. Bourdieu, rethinking the production of space by A. Lefebvre's paradigm, its verification in terms of the phenomenology of A. Appadurai, the production of place as a center of meaning created by experience from interpretations of humanistic geography. The used combination of several paradigms provides a theoretically powerful basis for understanding how interlocal social relations, lifeworlds, and the found out identities of the territory inhabitants between the city and the village are interconnected. The theoretical object of research is local communities in rural and suburban areas. General hypothesis of the research: at present, a new modification of the concept of "rural" has emerged, especially to the extent that it is typical for any country in the world, while global trends in the suburbanization (isolation) of individual rural areas as various forms of peripheral urban development acquire a special (priority) value, challenging A. Lefebvre's "urban revolution" paradigm in the sense that the space of the modern world is becoming totally urbanized. This article confirms the hypothesis about the spread of the global suburbanization of Roger Cale's theory, which is becoming more widespread and more significant phenomenon in different countries and regions of the world. This is also evidenced by the ever-expanding geography of suburban research in post-socialist countries, as well as criticism of the derived meaning concept of suburbs in relation to urban centers. The empirical evidence of this article confirms the growing importance of peripheral urban development in various forms and, in a more general context, leads to an understanding of the need to revise urban social theory in the spread context of global suburbanization.

The scientific novelty of the work lies in the author's rethinking of the reproduction concept of space both at the symbolic level of local subjectivity and in specific ties to the life worlds of the new territories inhabitants of spatial development, with the author's empirical confirmation of the proposed approaches, conclusions and presented databases.

Keywords: production of space, city, village, new neighborhood, village habitat, infrastructure.

Citation: Davydenko V. A., Andrianova E. V., Filippova T. M. 2021. "Rural development: a new microdistrict between the city and the village. Part 1. Theoretical analysis of social and territorial spaces of cities and villages". Siberian Socium, vol. 5, no. 3 (17), pp. 8-26.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-8-26

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00087 "Institutional factors and forms of development of rural areas".

REFERENCES

1. Abel's Kh. 2000. Interaction, Identity, Presentation: An Introduction to Interpretive Sociology. Saint Petersburg: Aleteia. 272 p. [In Russian]
2. Alarushkina S. A., Borisov A. A., Voronina A. A., Gladun P. I., Grishunov E. L., Ziatdinova S. G., Kveladze M. G., Kiryukhin D. N., Mitin I. I., Mikhaylov A. A., Molodtsova V. A., Fatekhova A. Kh. 2019. "See the Invisible: in search of the local Identity of the Yasenevo district in Moscow". Interaction. Interview. Interpretation, vol. 11, no. 20, pp. 133-163. DOI: 10.19181/inter.2019.20.7 [In Russian]
3. Anderson B. 2016. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Translated from English by V. G. Nikolaev. Edited by S. P. Bankovskaya. Moscow: Kuchkovo pole. 416 p. [In Russian]
4. Bauman Z. 2005. "Individualized society". Edited by V. L. Inozemtseva. Moscow: Logos. 390 p. [In Russian]
5. Bauman Z. 2008. "Fluid modernity". Saint Petersburg: Peter. 240 p. [In Russian]
6. Bek U. 2003. "Cosmopolitan society and its enemies". Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 6, no. 1 (21), pp. 24-51. [In Russian]
7. Berger P. L. 1995. The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium. 323 p. [In Russian]
8. Blumer Dzh. G. 2017. Symbolic interactionism. Perspective and method. Edited by A. Korbuta. Moscow: Elementarnye formy. 346 p. [In Russian]
9. Breslavskiy A. S. 2016. "What can be the Russian suburbanization?". World of Russia, vol. 25, no. 1, pp. 79-102. [In Russian]
10. Breslavskiy A. S. 2018. "What kind of world do we live in? In the suburban world!". Sociological Review, vol. 17, no. 2, pp. 342-355. DOI: l0.l732з/l728-l92X-20l8-2-34 2-355 [In Russian]
11. Burd'e P. 2007. Sociology of social space. Edited by N. A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology, Saint Petersburg: Aleteia. 288 p. [In Russian]
12. Verlen B. 2001. "Society, action, and space. Alternative social geography". Sociological Review, vol. 1, no. 2, pp. 26-47. [In Russian]
13. Vyazinkin A. Yu., Dvukhzhilova I. V. 2020. "The problem of virtual reconstructions of 'places of memory' in the light of a spatial cultural turn". Urbanism, no. 2, pp. 1-8. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.3.32423 [In Russian]
14. Gofman I. 2003. Frame Analysis: an essay on the Organization of Everyday Experience. Edited by G. S. Batygina, L. A. Kozlova L. A. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 753 p. [In Russian]

15. Goffman I. 2000. Presenting yourself to others in everyday life. Edited by A. D. Kovaleva. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole. 304 p. [In Russian]
16. Grigorichev K. V. 2013. In the Shadow of the Big City: the social space of the suburbs: monograph. Irkutsk: Ottisk. 248 p. [In Russian]
17. Grigorichev K. V. 2014. "'Neither to the village, nor to the city': symbolic space of Irkutsk suburbs". Tomsk State University Herald. Philosophy. Sociology. Political science, no. 1 (25), pp. 42-55. [In Russian]
18. Gusserl' E. 2004. The crisis of the European Sciences and transcendental phenomenology. Moscow: Vladimir Dal. 403 p. [In Russian]
19. Lefevr A. 2014. "Space. Social product and use value". Edited by A. Novozhenova. Sociology of power, no. 2, pp. 190-202. [In Russian]
20. Lefevr A. 2015. Space production. Moscow: Strelka Press. 432 p. [In Russian]
21. Lo Dzh. 2006. "Objects and spaces". Edited by V. S. Vakhshtayna. Sociology of Things (collection of articles), pp. 223-243. [In Russian]
22. Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A., Popov D. S. 2019. "Extra-urban localities: hybridization of 'rural' and 'urban' in the process of urban migration to rural areas". Sociological Review, no. 12, pp. 61-70. [In Russian]
23. Martishina N. I. 2020. "Constructivist Research Program in Social and Humanitarian Knowledge". Humanities research, no. 2 (6), pp. 19-23. DOI: 10.31857/S013216250007751-9 [In Russian]
24. Mid Dzh. G. 2009. Favorites. Edited by V. G. Nikolaev, D. V. Efremenko. Moscow: INION RAS. 290 p. [In Russian]
25. Nefedova T. G. 2017. Ten topical questions about rural Russia. Geographer's answers. Moscow: URSS, LENAND, Russian Academy of Sciences, Institute of Geography. 452 p. [In Russian]
26. Ozhe M. 2017. No-places. Introduction to Hypermodern Anthropology. Moscow: New Literary Review. 136 p. [In Russian]
27. Serto M. 2008. "Walking around the city". Edited by A. Kosmarsky. Sociological Review, vol. 7, no. 2, pp. 24-38. [In Russian]
28. Serto M. 2013. The invention of everyday life. 1. The art of making. Edited by D. Kalugina, N. Movnina N. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg. 330 p. [In Russian]
29. Sodzha E. U. 2003. "Postmetropolis. Critical studies of cities and regions. Ghost Towns: The Disintegration of the Urban Imaginary". Logos, no. 6 (40), pp. 133-151. [In Russian]
30. Trotsuk I. 2014. "Discursive construction of Social Reality: Conceptual foundations and empirical techniques for exposing 'bad' practices". Sociological Review, vol. 13, no. 2. pp. 206-224. [In Russian]
31. Trubina E. G. 2011. "Turning to Space: the interdisciplinary movement and the difficulties of its popularization". Political conceptology, no. 4, pp. 34-49. [In Russian]
32. Filippov A. F. 2008. Sociology of space. Saint Petersburg: Vladimir Dal. 285 p. [In Russian]
33. Kharvi D. 2011. "Space as a keyword". Topos, no. 1, pp 10-38. [In Russian]
34. Khokshild A. R. 2020. Second shift. Working families and the revolution in the home. Edited by I. Kushnareva, A. Kosmarskaya. Moscow: HSE. 368 p. [In Russian]
35. Shyutts A. 2003. "On the multiplicity of realities". Sociological Review, vol. 3, no. 2, pp. 3-34. [In Russian]
36. Shyutts A. 2003. Semantic structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology. Translated from English by A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova. Edited by G. S. Batygin. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 336 p. [In Russian]
37. Shyutts A. 2004. Favorites: A world that glows with meaning. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 1056 p. [In Russian]
38. Yakimova E. V. 1999. Social construction of reality: socio-psychological approaches: scientific and analytical review. Russian Academy of Sciences, Institute for Scientific Information on Social Sciences. Moscow: INION RAS. 115 p. [In Russian]
39. Yampol'skiy M. B. 2000. The observer. Essays on the history of vision. Moscow: Ad Marginem. 288 p. [In Russian]
40. Appadurai A. 1996. Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press. 229 p.

41. Appadurai A. 2013. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. Verso, 336 p. DOI: 10.1423/76023
42. Blumer J. H. 1969. "Der methodologische Standort des Symbolischen Interaktionismus". Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit, Reinbek, Bd. 1. 144 p.
43. Blumer J. H. 1975. "Exchange on Turner, 'Parsons as a symbolic interactionist': Comments by Herbert Blumer". Sociological inquiry. Greensboro (NC), vol. 45, no. 1, pp. 59-68. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1975.tb01214.x
44. Bourdieu P. 1977. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press. 249 p. DOI: 1017/CBO9780511812507
45. Bourdieu P. 1985. "The Social Space and the Genesis of Groups". Theory and Society, vol. 1, no. 6, pp. 723-744. DOI: 10.1007/BF00174048
46. Bourdieu P. 1989. "Social Space and Symbolic Power". Sociological Theory, vol. 7, no. 1, pp. 14-25. DOI: 10.2307/202060
47. Certeau M. 2002. The Practice of Everyday Life. Translation of: Arts de faire by S. Rendall. University of California Press, 256 p. DOI: 10.1080/10286630902971595
48. Cloke P. 2006. "Conceptualizing rurality". Edited by T. Marsden, P. Mooney. The Handbook of Rural Studies. UK: Sage Publications Inc. Pp. 18-29. DOI: 10.4135/9781848608016.n2
49. Goffman E. 1969. The Presentation of Self in Everyday Life. London: Allen Lane. 228 p. DOI: 10.2307/2089106
50. Goffman E. 1986. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Northeastern University Press. 586 p. DOI: 10.2307/2106908
51. Halfacree K. 2012. "Diverse Ruralities in the 21st Century: From Effacement to (Re-) Invention". Edited by L. J. Kulcsar, K. J. Curtis. International Handbook of Rural Demography. London: Springer. Pp. 387-400. DOI: 10.1007/978-94-007-1842-5_26
52. Hochschild A. R. 2012. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Third Edition. University of California. 352 p.
53. Hochschild A. R. 2016. Strangers in their own land. Anger and mourning on the American right. New York: New Press. 351 p. DOI: 10.1093/jel/eqx010
54. Keil R. 2000. "Natural spaces? Governing spaces of nature in the new economy". Paper presented at the Annual Conference of American Geographers. Pittsburgh.
55. Keil R. 2019. Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in (Urban Futures). Cambridge: Polity press. 256 p. DOI: 10.1177/0042098019836051
56. Lefebvre H. 2009. State, Space, World: Selected Essays. Edited by G. Moore, N. Brenner, S. Elden. University of Minnesota. 331 p.
57. Mormont M. 1990. "Who is rural? Or, how to be rural: towards a sociology of the rural". Edited by T. Marsden, P. Lowe, S. Whatmore. Rural Restructuring: Global Processes and Their Local Response. London: Fulton. Pp. 21-44.
58. Simmel G. 2009. Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms. Edited by A. J. Blasi, A. K. Jacobs, M. Kanjirathinkal, H. J. Helle. 700 p. DOI: 10.1163/156913312X619472
59. Soja E. W. 2010. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London; New York: Verso. 266 p.
60. Cloke P., Marsden T., Mooney P. (eds.). 2006. The Handbook of Rural Studies. UK: Sage Publications Inc. 528 p.
61. Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo C., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers C. W. J. (eds.). 2014. "The SAGE Handbook of Human Geography". SAGE Publications, vol. 1-2. 840 p. DOI: 10.4135/9781446247617
62. Tuan Y.-F. 1976. "Humanistic geography". Annals of the Association of American Geographers, vol. 66, no. 2, pp. 266-276. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1976.tb01089.x.
63. Tuan Y.-F. 1991. "Language and the making of place: A narrative-descriptive approach". Annals of the Association of American Geographers, vol. 81, no. 4, pp. 684-696. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1991.tb01715.x
64. Tuan Y.-F. 2001. Space and Place. The Perspective of Experience. University of Minnesota Press. 236 p.
65. Werlen B. 2008. Sozialgeographie: Eine Einfuhrung. UTB, Bern, Stuttgart, Wien: Haupt Verlag. 400 p.